

МАКС АДЛЕР

**МАРКСИЗМ
КАК ПРОЛЕТАРСКОЕ
МИРОВОЗЗРЕНИЕ**

**ПЕРЕВОД
С НЕМЕЦКОГО**

МАКС АДЛЕР

МАРКСИЗМ

КАК ПРОЛЕТАРСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

ПЕРЕВОД
С НЕМЕЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
ХАРЬКОВ — 1923

Типо-Литография имени Октябрьской Революции
Полтавского Городского Полиграфоб'единения

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
I Маркс и пролетариат	8
II Учение о человеке, как члене общества	13
III Материалистическое понимание истории	18
IV Учение о прибавочной стоимости	23
V Диалектика и классовая борьба	33
VI Социализм	40

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ничто, быть может, не в состоянии пролить больше света на действенное значение Карла Маркса именно для нашего времени, времени стольких шатаний и помрачений социалистического сознания, как указание на то, что красной нитью, проходящей через все революционное действие и все мышление Карла Маркса, является реформа сознания. От первых программных статей в „Немецко-Французских Ежегодниках“ и до последнего тома „Капитала“ мы всюду наталкиваемся на это стремление к самопознанию, к проверке собственного суждения о скрытом социальном смысле всего происходящего на поверхности общественных будней. И девизом экономического анализа, коим Маркс завершает это свое стремление, могут послужить слова, написанные им еще в начале его деятельности: „Реформа сознания состоит лишь в том, чтобы дать миру усвоить его сознание, чтобы пробудить его от сонных грез о себе самом, чтобы разъяснить ему его собственные действия“.

Удовлетворяя этому стремлению к самопознанию, Маркс приходит к раскрытию внутренних законов капиталистического мира, оказывающихся экономическими классовыми противоречиями, влияющими—за пределами экономической сферы—на все вообще области социальной жизни. И это тотчас же проявляется и в вопросе о самом осуществлении желанной реформы сознания.

Особенность этой реформы сознания, обусловленная именно наличием классовых противоречий, заключается как раз в том, что она—возможна отнюдь не для любого класса и не любым образом, будучи не одинаково желанной повсюду. Поскольку классовым интересом господствующих диктуется поддержание в угнетенных иллюзий общности интересов и благожелательности управления правителей, постольку и в их идеологию, в качестве

значительного элемента, входит вера в эти иллюзии и необходимость отвергать всякую критику их, как злонамеренную клевету и нигилистический скептицизм. Добрая вера в собственное право на политическое господство и экономическую эксплоатацию становится здесь мощным психологическим априори буржуазного разума, заранее препятствуя всякой критике или же делая ее бесплодной: недостает способности вообще сойти с своей точки зрения и стать на точку зрения критики. Критика психологически возможна лишь там, где она в целом ведет к выигрышу, сколькими бы деталями ни пришлось поступиться в угоду ей. Но там, где она должна была бы кончиться потерей критикующим почвы под ногами, там она возможна лишь в том случае, если уже имеется желание покинуть эту почву.

Напротив, там, где самопознание относительно сущности общества приводит к подкреплению стремлений класса ввысь, там реформа сознания становится прямо-таки жизненной потребностью этого класса. И это обясняет, почему совершенная Марксом реформа сознания имеет своей естественной родиной пролетариат. Ибо с ее помощью пролетариат приобретает свое собственное общественное сознание, а вместе с тем и свою духовную самостоятельность и уверенность в своей цели. Настоящая работа имеет целью дать наглядное представление об этом. Она хочет показать, как в действительности жизненный труд Карла Маркса, несмотря на глубину его мыслей и трудность формы, имеет свою естественную жизненность в жизненных интересах пролетариата, так что марксизм в его основных положениях может быть понят каждым пролетарием и должен быть понят, именно как действительное познание его жизни и его назначения. В этом смысле марксизм — пролетарская наука: не наука, имеющая значение лишь для пролетариата, но наука, действующая в духе пролетариата и потому не могущая быть по достоинству, без предубеждений, оцененной теми, кто вынуждены рассматривать этот дух, как враждебный им и — в их сознании — нелепый. Правда, научная истина — беспартийна, но ее общественные выводы требуют партийности, и здесь умы разделяются в конечном итоге по жизненным интересам

классов. Все же в беспартийную научную истину марксизма и в заложенную в ней реформу общественного сознания входит знание того, что открытия науки в области социальной закономерности совпадают с направлением стремлений пролетариата к развитию и освобождению. Потому-то марксистское учение и пролетарская жизнь образуют то великое и нерасторжимое единство, в котором, с одной стороны, теория основывается на живом социальном опыте, а, с другой, этот опыт получает в теории свое основательное освещение и ориентировку. В марксизме, таким образом, стало истиной то, что Маркс однажды писал о философии: „Как философия находит свое материальное оружие в пролетариате, так пролетариат — свое умственное оружие в философии“. Марксизм и пролетариат принадлежат друг другу, как душа и тело, как слово и дело, как сознание и жизнь. И потому-то Маркс — абстрактный мыслитель — живет самой мощной жизнью в умах пролетариата.

Вена. Февраль 1923 г.

I. Маркс и пролетариат.

14 марта 1883 года умер в Лондоне человек, имя которого наполнило с тех пор мир своими раскатами и стало дорогим миллионам бедных, угнетенных людей, и влияние которого в области мысли и в истории все еще продолжает расти,—Карл Маркс. И этот человек, от которого исходит такая мощь, не стоял на социальных высотах человечества. Он не был ребенком, рожденным в пурпуре, но происходил из простой, мещанской и даже не состоятельной еврейской семьи. Он не был князем, призванным повелевать народами и странами, не был полководцем, во главе своих армий, с мечем в руках навязывающим побежденным свою волю, но был только простым писателем и ученым, вынужденным к тому же еще в течение всей жизни бороться с жесточайшей нуждой. В его распоряжении не было ни влиятельного внешнего положения, ни аристократических связей для создания уважения себе; напротив, ненависть политически-сильных всюду преследовала его, травила и гнала из одной страны в другую, пока он, наконец, не получил возможность вести полную труда и страданий жизнь изгнаника на чужбине, в Лондоне, до самой своей смерти.

Но за этими мрачными формами тяжелого внешнего существования Маркса, захватывающую картину которых рисует нам переписка его с Фридрихом Энгельсом, крылось царственное содержание. Князь в царстве мысли прошел Маркс через свою эпоху, повелителем, мощь которого простиралась гораздо дальше величайшей власти владык, кичливо сидящих на блестящих тронах государств. Ибо повелительная сила Маркса не находила себе пределов в границах какой-либо страны, но проникала во все страны мира, покоряя их своей победоносной мысли. И эта повелительная сила не нашла себе конца и после смерти своего носителя, смерти, обычно всюду повергающей в химерическое

прошлое и самых гордых властителей. Напротив—лишь после его смерти началась подлинная деятельность Маркса духа, все вернее и успешнее проникавшего отныне и в буржуазную науку. Когда в 1883 году Маркс умер, буржуазный ученый мир еще едва знал о нем, как о научном мыслителе. Человек, уже ставший духовным вождем пробужденных им миллионов пролетариев в целом мире, был еще для большинства буржуазных ученых лишь политическим агитатором и „социалистическим подстрекателем“, с которым надлежит иметь дело больше политикам и, в крайнем случае, еще полиции, чем людям науки. Со времени смерти Маркса положение стало существенно иным. Теперь вся наука о духе стоит под знаком его мышления, его постановки проблем, его образования понятий, и всего новейшего развития политической экономии и социологии, исторической науки, права и государствоведения уже не отделить больше от его влияния.

И полководцем стал Карл Маркс, — иначе и величественнее, чем все знаменитые исторические военачальники: Ганнибалы и Цезари, Атилы и Тамерланы, Наполеоны и Гинденбурги, которые могли двигать свои полчища лишь на дело опустошения и должны были гнать народы друг на друга, тогда как за Марксом могли об'единиться — и до ужасного, рокового часа мировой войны действительно об'единились — пролетарии всех стран, народы всего мира, и тогда как его учение — военное безумие могло лишь на короткое время заглушить его — есть единственный боевой клич, который вновь соберет и об'единит пролетариат всех стран для дела создания нового строя и творчества единой культуры для всех.

Это величественное воздействие Маркса на широкие народные массы граничит с чудом, если принять во внимание, что мы имеем здесь дело с мыслителем, учение коего отнюдь не легко охватить, и который, будучи мастером популярного изложения, тем не менее, в порывистом беге своей, посвященной одновременно науке и политике жизни, находил очень мало досуга и возможности изложить свои идеи в легкой и доступной форме. Как же все-таки в этих условиях было возможно, чтобы его умственное влияние могло так распространиться

именно на рабочий люд, т.-е. на те слои общества, которые, в силу внутренней извращенности современного общественного порядка, были устраниены от всякого более или менее высокого школьного образования, и с трудом и лишь в скучные часы досуга могут добыть себе малую частицу умственных сокровищ своей эпохи? Как же случилось, что имя Маркса не является ныне для пролетария пустым звуком, каким являются для него имена столь многих других великих мыслителей, которые он, как, напр., Канта, произносит, быть может, с робким почтением, но которые ничего ему не говорят, так как он ничего не знает о достижениях этих мыслителей, о значении их творчества?

Суть дела—в том, что Маркс в своей научной работе исследовал и изложил лишь то, что составляет жизнь и страдания пролетария, что заключает в себе его судьбу и его надежды. Древне-греческий миф, наглядно изображая возникновение науки и ее просветительное действие, рассказывает, как Прометей поднялся на небо, в жилище богов, чтобы от сверкающего света его принести частицу бедным смертным, блуждавшим дотоле, подобно слепым, во тьме, принести и осветить им их пути. Таким Прометеем был Маркс для пролетариата, светоносцем для вдвойне порабощенных во тьме своих страданий и своего невежества рабочих масс. И это об'ясняет его неслыханное действие на широкие массы, которое будет жить в них, пока они будут еще страдать от эксплоатации, нужды и политического угнетения. Учение Карла Маркса не только—книжная ученость, работа его мысли—не работа только для школ и библиотек, которой могли бы заниматься лишь в университетах. Но она является об'яснением жизни самих широких масс, об'яснением того, как они вынуждены поддерживать свою жизнь работой на фабриках и в мастерских, в магазинах и в мелкой промышленности, на полях и в рудниках, каково их положение в государстве и в обществе, какие перспективы представляются им в обществе, и какие задачи вырастают в нем для них. Короче говоря—научная работа Карла Маркса является как раз тем, что он в начале своей деятельности с прозрением гениального ума поставил

целью своей жизненной работы: „самосознанием эпохи относительно ее борьбы и ее желаний“ Его учение приносит прежде всего пролетариату, как классу, основательное самосознание относительно его собственной сущности и его будущего, но, сверх того, и раскрытие законов общественной жизни вообще. Старое изречение „познай самого себя“ Маркс с научной отчетливостью применил к капиталистическому обществу. Работой своей мысли он подставил ему зеркало, в котором оно могло увидеть себя в своем подлинном виде, но в котором прежде всего пролетариат должен был отныне распознать свое собственное положение, ход своего развития и вместе с тем свое историческое назначение. Нет, поэтому, ничего удивительного, если мысли Маркса, едва они были преподнесены массам пролетариев в доступной форме, должны были так подействовать на них, как подсказанное слово на того, кто уже давно ищет и не может найти его. И это случилось благодаря на редкость счастливому стечению обстоятельств в жизни Карла Маркса, поставившему бок-о-бок с ним друга жизни — Фридриха Энгельса, друга, который не только от юношеских лет и до смерти Маркса делил с ним все страдания и радости и сообща с ним боролся, но который и после смерти Маркса преданно управлял его духовным наследием и продолжал его работу, пока смерть не оторвала и его от этого неутомимо исполнявшегося дела. Фридрих Энгельс, соединявший дар отчетливого популярного изложения с силой оригинальной мысли, сделал доступными пролетариату идеи Маркса во многих мастерски написанных сочинениях по социализму, и как при жизни Энгельса, так и поныне нет лучшего проводника к Марксу, чем чтение и изучение прекрасных работ Фридриха Энгельса.

Маркс, таким образом, подсказал пролетариату слово, которого тот искал в своей печали. Он высказал то, что искало себе в рабочих ясного выражения. И силою этого, точно по мановению волшебного жезла, было призвано к жизни могучее движение, давно уже стремившееся претвориться в историческую действительность, — движение пролетарского, основанного на борьбе классов, социализма. Маркс был, следовательно, на деле тем, с чем

Гегель однажды сравнил значение великих людей, — локомотивом истории, т.-е. силой, сообщившей истории ускоренное движение в определенном направлении. До его выступления силы пролетариата, сами себе неясные, волновались и кипели неорганизованно и хаотично. То здесь, то там вырывались они наружу в диких восстаниях и вспышках страданий, бесцельно обнаруживавших лишь возмущение и отчаяние пролетариата в актах разрушения фабрик и машин и мести фабрикантам и мастерам, но не бывших в состоянии приобрести историческое — на благо всему классу — значение. И вот, могуче вливающаяся сила Маркса духа направила все эти инстинкты пролетариата, все его искания и его мысль в одно единственное новое русло, русло сознательной и организованной классовой борьбы, и с тех пор могучий поезд социалистического рабочего движения все быстрее и быстрее мчится через историю, ведомый научным — от Маркса полученным — познанием общественного развития, мчится к цели, общей для всех цели, — к уничтожению классовых противоречий, путем устранения частной собственности на средства производства, и к основанию солидарного человеческого общества.

Было бы заманчиво показать на отдельных понятиях, с помощью которых Маркс строит свое новое познание, эту постоянную связь его научной работы с интересами развития и освобождения пролетариата и таким образом изобразить, как они лишь раскрывают самому рабочему люду его глубочайшую сущность, как они являются лишь ответом на его жизненные вопросы, как они, в связи с этим, должны тотчас же найти в нем не только полное понимание, но и страстный интерес. Но это, конечно, невозможно в рамках общей оценки значения Карла Маркса, намеченной нами здесь. Мы изобразим это лишь на нескольких основных понятиях Маркса учения, так как это одновременно раскроет пред нами и существенное значение этого учения не только для пролетариата, но и для общественного развития вообще.

II. Учение о человеке, как члене общества.

Здесь пред нами прежде всего новое понятие о человеке, служащее — на это обращалось до сих пор слишком мало внимания — подлинным исходным пунктом учения Карла Маркса, — понятие о человеке, как члене общества. Карл Маркс не является мыслителем-политикоэкономом, как это часто думают потому, что его главный труд „Капитал“ говорит о явлениях и законах экономической жизни. Напротив, его революционное значение и для политической экономии заключается как раз в том, что он и к ней подошел критически, с выше ее стоящей точкой зрения, а именно: с точкой зрения общественной жизни вообще. Так он мог показать, что классическая политическая экономия излагала не законы хозяйственной жизни вообще, как полагали; но лишь одной ее исторической ступени — капиталистического хозяйственного строя. Последний, с его различиями между богатыми и бедными, между предпринимателями и пролетариями, не был извечным, естественным мировым строем, но являлся, правда, многовековым, однако, более поздним хозяйственным порядком, которому предшествовали другие экономические жизненные порядки и законы. А потому и в отношении будущего она не могла претендовать на вечность и неизменность ее положений и законов. Более того, Маркс открыл экономические необходимости, ведущие из капиталистического хозяйственного строя в социалистический, и, таким образом, его главный труд „Капитал“ стал именно тем, чем он его назвал, — критикой политической экономии и ее преодолением. На место только политикоэкономической, т.-е. загнанной в рамки капиталистического хозяйственного строя мысли, Маркс поставил рассмотрение общественных связей самой хозяйственной жизни, обобществления человеческой жизни вообще. Таким образом, Маркс научил нас смотреть на капиталистическое общество, лишь как на историческую и, следовательно, преходящую форму этого обобществления, в противоположность

многим политическим и моральным защитникам его (капиталистического общества), которые, как бы критически они ни были настроены в иных отношениях, рассматривают его, как предопределенную людям богом или природой неизменную судьбу, точно иначе и не может быть, точно всегда должны существовать имущие и неимущие, предприниматели и рабочие. Научное исследование об'единения людей в общество, его явлений и законов образует предмет особой науки—обществоведения, или социологии. Итак, теперь ясно, что мы имеем в виду, подчеркивая в самом начале оценки значения Маркса, что он не может быть рассматриваем только как мыслитель-политикоэконом, но что он был прежде всего мыслителем-социологом. Основное понятие его учения, понятие о человеке, как члене общества, является одновременно и основным понятием социологии.

Но что же означает это понятие людей, как членов общества? На первый взгляд можно было бы подумать, что оно не представляет собой ничего, а является лишь иным выражением весьма уже старой идеи, а именно: учения о том, что человек — существо общественное. И если существует, быть может, различие между старыми словами „общественность человека“ и новыми словами „обобществление человека“, то оно в лучшем случае — дело педантизма ученых и философов. Но стоит нам обратиться к содержанию нового Маркса понятия, как тотчас же подобное мнение исчезает пред тем высшим интересом и тем живейшим участием, какие проявляют именно широкие массы неученого народа по отношению к этому новому понятию. Ибо что собственно оно говорит? Старое понятие общественного человека звучало так прекрасно, рисовало идиллическую и гармоническую общность людей. Это было, действительно, утешительным представлением, что люди, мол, уже от природы — существа общественные, что нас, точно силой инстинктивной симпатии, гонит друг к другу и прямо-таки понуждает к братству. И, в действительности, и стремящаяся ввысь буржуазия щеголяла этой идеей природного братства людей, и правящая буржуазия также охотно держится за это представление, чтобы вывести из него, правда, не свое братство с пролетариатом, а, конечно, его уступчивое

подчинение своему владычеству и эксплоатации, так как, ведь, иное поведение пролетариата было бы противно „общественности“, или, согласно модного выражения, антисоциально.

Но рабочий,—что было ему делать с такой идеей человеческой общественности? Не должна ли была она представляться ему грубой ложью и явным обманом? Не общественность ли приковывала его на двенадцать, четырнадцать или еще более часов к его машине и удерживала в нужде и невежестве, тогда как малая часть общества могла наслаждаться драгоценным досугом и иметь в своем распоряжении все плоды труда, все удовольствия культуры? Было ли то общественностью, что одни, господствуя, могли выражать свою волю в форме государственных и общинных законов, тогда как другие, неимущая масса, должны были безропотно и почтительно подчиняться и если не делали этого—рассматривались судами и властями государства, как внутренние враги? Таким образом, идиллическое представление о природной общественности человека должно было потерпеть ущерб от общественной действительности, от самой жизни народа.

В отличие от этого, понятие обобществления человека, по учению Маркса, говорило о чем-то совершенно ином, хотя и выдвигало лишь один факт, совершенно как будто сам собою разумеющийся. Но, как это часто бывает, и здесь оказалось, что из, видимо, совершенно простого обстоятельства вытекают, как только начнешь размышлять над ним, совсем уже не простые и не сами собою разумеющиеся выводы, ведущие к многозначительному познанию. Этим простым фактом было то, что, не являясь, правда, существом общественным, человек все же может возникнуть, существовать и развиваться лишь в соединении с другими людьми, что, таким образом, люди вынуждены — ради возможности жить и развиваться — вступать, или, лучше говоря, быть поставленными в определенные связи и отношения друг к другу, благодаря которым они оказываются взаимно прикрепленными, совместно образуют общество (обобществляются). Эти связи и отношения суть существующие между ними трудовые отношения, называемые производственными отношениями, так как они служат людям для производства их жизненных средств. „Чтобы производить“,—говорит Маркс,—

„они (люди) вступают в определенные связи и отношения друг к другу, и лишь в рамках этих общественных отношений происходит их воздействие на природу, происходит производство“. Но в эти связи и отношения люди вступают не с сознательным, планомерным намерением, они не создают этих отношений по своему желанию и не соединяются словно в добровольном заключении договора; общество не основывается „общественным договором“, но эти производственные отношения суть, как опять-таки говорит Маркс, независимые от их воли отношения, „соответствующие определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка“.

Отличие этого нового понятия обобществления от понятия общественности человека заключается — и это-то совершает переворот в этом понятии — в том, что идея обобществления не совпадает с идеей общественности и единодушия людей, но что тотчас же становится ясно, что обобществление может быть также весьма необщественным и несогласным (внутренне-противоречивым). Ведь, если владелец плантаций заставляет своих рабов, феодал — своих крепостных, фабрикант — своих рабочих надрываться и ценою всех трудовых мучений и жизненной нужды вырабатывать себе лишь безрадостное существование, полное неудобств, болезней, невежества и мрачной злобы, а другим — весь блеск и богатство жизни, то все это — рабство, крепостничество, наемный труд — суть именно формы обобществления, связанные с людьми. Ибо чем был бы и самый могущественный феодал или магнат капитала без „своих“ рабочих! И чем был бы даже самый мощный деспот мировой империи без масс своих подданных, обязанных бросаться по его повелению в битву и отдавать свою жизнь за чуждые им цели? Но и это — форма обобществления, лишь оказывающаяся весьма необщественной для подавляющего большинства подданных. Итак, обнаруживается, что обобществление не только не исключает всякого рода угнетение и эксплуатацию, но даже включает их, что, таким образом,

дело в способе обобществления, допускающем или нет, чтобы люди действительно могли жить общественно. И этот смысл иначе столь сложного понятия обобществления, по предварительном социологическом и психологическом обосновании его, рабочий тотчас же понимает, исходя из опыта своей жизни: общественности людей совсем еще не существует, и человеческого общества в этом смысле вообще еще нет; его еще нужно лишь создать. Этого никто не чувствует болезненнее, чем пролетариат.

Но как создать его? И это познание вырастает для пролетариата из нового понятия обобществления, как давно назревшая новая жизненная необходимость. Действительная общественность людей, т.-е. их жизненная солидарность может быть достигнута лишь с помощью изменения существующей формы обобществления. Но так как эта форма выгодна одной части общества, имущим и правящим, то она ни в коем случае добровольно не откажется от своих привилегий. Существующая форма обобществления показывает нам, следовательно, общество расщепленным в конечном итоге на две противоположных друг другу группы интересов, на два больших, по необходимости взаимно-враждебных лагеря, короче — на два класса: класс имущих и класс неимущих. И лишь борьба выводит из этой противоположности. Классовая борьба — вот, следовательно, непосредственный и неумолимый вывод из нового учения об обобществлении людей в его нынешнем виде, вывод, воспринимаемый рабочим людом с силой той непосредственной убедительности, которую обладает истина, так как он лишь отражает, как в зеркале, действительный строй жизни и его необходимость. Но классовая борьба не в смысле диких возмущений или беспорядочных освободительных действий отчаявшихся или страстно-возбужденных народных масс, а в смысле целесознавющей экономической, политической и идеологической борьбы с существующей формой обобществления людей, т. е. с капиталистическим способом производства, борьбы, которая не может окончиться иначе, как преодолением его и заменой коммунистическим хозяйственным строем.

III. Материалистическое понимание истории.

Вторым основным учением, находящимся в теснейшей связи с учением об обобществлении человеческой жизни, является материалистическое понимание истории, то-есть учение о том, что социальные явления и ход исторического развития определяются в конечном счете хозяйственными отношениями и связями, тем, что Маркс назвал экономической структурой общества. Это учение кажется как-будто серой теорией, весьма далекой от настоящих и непосредственных интересов и забот рабочего люда, особенно — если вспоминаешь бесконечный спор, возникший по поводу этой теории и все более разгорающийся. Что, можно было бы спросить, страданиям и надеждам бедного народа до того, как философы и историки понимают историю? Действительно, не забота ли это только ученых, не вопрос ли школ и академических споров?

Но представим сначала лишь в более ясной форме главную мысль материалистического понимания истории, мысль, все еще плачевнейшим образом искажаемую. Вновь и вновь можно услышать от противников марксизма мнение, что материалистическое понимание истории отрицает значение идей и низводит людей до положения игрушки обнаженных материальных сил. Однако, материалистическое понимание истории совсем не отрицает действия идей в истории, но, не останавливаясь на этом, спрашивает: что определяет идеи людей? Что помогает их осуществлению и формирует их проведение в жизнь? Совершенно ли свободны люди в своем творчестве истории, так что могут действовать вполне произвольно, или они — зависимы, и тогда — от чего именно?

Маркс отвечает на это: „Люди творят свою собственную историю, но творят ее не произвольно, не в выбранной ими самими обстановке, а в той, которую они непосредственно застали и получили в наследство“. Люди,

рождаясь, входят в определенные исторические и общественные условия, и, что-бы они ни делали, или от чего бы они ни воздерживались, что бы они ни думали, или к чему бы они ни стремились, все это по необходимости определяется средой, в которой они вынуждены жить. К этим условиям, которые люди уже застают, едва вступив в жизнь, относятся, однако, не только обычно причисляемые сюда: природа людей, среди которых живешь, природа политического устройства страны и уровень ее духовной культуры, свойства, наконец, ее почвы, природное богатство ископаемыми, растениями и животными, и ее климат, но также и прежде всего то, чего в этом значении до Маркса не признавали, — способ, которым люди вообщем производят необходимое для жизни и владеют им: получают ли они его в избытке или едва достаточно, с помощью отсталой или развитой техники, в какой, наконец, мере каждый индивид участвует трудом в том, что производят все вместе. Маркс очень наглядно объясняет эту основную мысль материалистического понимания истории, говоря: „Социальные условия (отношения) тесно связаны с производительными силами. С получением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а с улучшением своего способа производства, способа добывания себе пищи, они меняют все свои общественные отношения. Ручная мельница создает феодальное общество, паровая мельница — общество индустриально-капиталистическое“: В такой концепции обнаруживается, следовательно, что не все внешние обстоятельства, в которых живут люди, равно важны в их социальном влиянии, но что основу всей остальной деятельности людей и формирования их судеб составляет способ, дающий людям в ту или иную пору возможность удовлетворять свои потребности, — связи и отношения их, и силы природы, в которых и с помощью которых они производят нужное им для жизни, и которые мы, поэтому, называем производственными отношениями, соответственно — производительными силами. Ведь, как Энгельс однажды очень резко, но вместе с тем и очень выразительно пояснил это Марксово учение, ясно, „что люди прежде всего

должны сначала есть, пить, обзаводиться жильем и одеваться, прежде чем получают возможность заняться политикой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных жизненных условий и тем самым каждая экономическая ступень развития того или иного народа или того или иного периода времени образует основу, из которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления людей данной эпохи, и в ней, этой основе, и необходимо, поэтому, искать и обяснения их, — а не наоборот, как то делалось до сих пор“.

Что именно экономические отношения определяют в конечном счете исторические судьбы людей, так часто не понимают и оспаривают, конечно, лишь потому, что вновь и вновь упускают из виду, что понимали Маркс и Энгельс под экономическими отношениями. Под ними следует понимать не чисто-материальные, предметные условия производства — машины, сырье, инструменты и транспортные средства — как то вновь и вновь делают противники материалистического понимания истории. Если бы дело обстояло так, то материалистическое понимание истории, действительно, утверждало бы нелепость, будто паровые машины также производят капитализм, как ткацкие станки — холст. Но под экономическими отношениями Маркс и Энгельс всегда разумеют общественные отношения, а именно: отношение людей к предметным условиям производства. Принадлежат ли, следовательно, земля, сырье, машины и т. д. отдельным людям, могущим оставить себе продукт труда и потому могущим заставить других, ничем не владеющих, работать на них (владеющих), или эти предметные условия производства принадлежат одинаково всем членам общества, лишь это обстоятельство приводит их (предметы) к той связности с людьми, которая делает их составной частью экономического отношения. Стало быть и в экономических отношениях именно люди определяют повсюду свою историю; но именно из этого легко теперь уразуметь, что до сих пор они делали это не по собственной воле, не в ими самими выбранных обстоятельствах и не в направлении собственных намеченных

результатов. При таком понимании, обнаруживается и здесь, относительно этого основного учения марксизма, что его подлинный смысл приобретает именно для рабочего значение его повседневного опыта, лишь разъясненного, обобщенного и получившего такое выражение, при котором он впервые постигает всеобщее значение этого опыта, а именно: что жизненные отношения, в которых люди рождаются и вырастают, определяют всю их судьбу, и что эти жизненные отношения тождественны с той ролью, которая выпадает на долю индивида в общественном процессе производства. На себе самом и на судьбе своей семьи рабочий видит и переживает, что человек становится добр или зол, образован или невежествен, здоров или болен, мужает или преждевременно старится, доволен собой и миром или в разладе с самим собой, полон неудовлетворенной критики, в значительной мере в зависимости от того, родился ли он в полноте владения и власти или загнанным в класс бедных и нуждающихся. Легко оставаться на пути права и честности тому, кого никогда не гнали на путь преступления соблазны нужды; легко быть культурным человеком и широко и радостно раскрыть сердце и мысль всему возвышенному тому, у кого никогда не глушили лучших сил души притупляющее однообразие повседневного процесса труда и снедающая нужда борьбы за существование. Как много талантов, как много творческих дарований вынуждены погибнуть от того, что им смолоду не хватает средств развития и возможности достигнуть своего назначения. И сколько погибает жизней, которые можно было бы спасти, если бы слабогрудые рабочие и страдающие бледною немочью работницы не были вынуждены выходить день за днем на работу вместо того, чтобы провести несколько месяцев поправки в более здоровых жизненных условиях, — в солнечных странах юга или на вершинах гор. Не определяют ли — жестоко — здесь повсюду хозяйственныe жизненные отношения жизненную историю бесчисленных миллионов?

И рабочий тотчас видит, что здесь дело не в единичных судьбах, не в случайном жребии его самого, его ближайших родственников или какого-нибудь знакомого,

но что так обстоит всюду, по всему свету, где живут и страждут пролетарии. Он видит, следовательно, что дело — в массово-однородных жизненных отношениях, вытекающих из повсюду одинакового хозяйственного строя современного общества, из капиталистического хозяйственного строя, основанного на частной собственности на средства производства. Он тотчас же и здесь видит, что из такого порядка вещей должны по необходимости слагаться две совершенно противоположные друг другу массово-однородные группы интересов: группа интересов тех, которые владеют средствами производства, капиталом, или господ капиталистического способа производства, и группа интересов неимущих, тех, кто живет трудом своих рук, — жертв этого способа производства. А вместе с тем становится совершенно ясно, что невозможно надеяться на изменение — определенной этими хозяйственными жизненными отношениями — судьбы подавляющего большинства людей в современном обществе одной только доброй волей людей по обе стороны этой противоположности, т.-е. силою их разума, справедливости и любви к ближним — чего ожидал утопический социализм, — но что такого изменения можно ожидать лишь от изменения самих этих жизненных отношений. Кто, однако, должен провести это изменение? Кто живейшим образом заинтересован в этом? Те ли, кто при этих жизненных отношениях отлично процветают и потому имеют все основания быть довольными ими, или, скорее, те, кто лишь страдает при них и „не может ничего потерять с ними, кроме своих цепей“?

Таким образом, и материалистическое понимание истории приводит рабочего к тому же результату, что и учение о человеке, как члене общества: что интерес его класса требует радикального изменения хозяйственных жизненных отношений, при которых он длительно отрезан в капиталистическом строе от всякого подлинно-человеческого развития; что, следовательно, один лишь пролетариат может и должен помочь себе таким путем; и что классовая борьба является единственным средством как освобождения пролетариата, так и усовершенствования самого общества.

IV. Учение о прибавочной стоимости.

Рядом с материалистическим пониманием истории стоит, в качестве следующего основного учения марксизма, учение о прибавочной стоимости, превратившее вместе с исторической теорией — по известному слову Фридриха Энгельса — социализм в науку. И это учение о прибавочной стоимости затрагивает рабочего в его глубочайших жизненных интересах. Оно отвечает на вопрос, не являющийся только теоретическим для бедствующего рабочего: откуда берется прибыль, откуда все это богатство и избыток на одной стороне, все эти нехватки и эта нужда — на другой? Эти загадки разрешаются сложным теоретическим анализом капиталистического процесса производства, но в приспособленной для понимания рабочего передаче этот анализ звучит для него рассказом его жизненного романа.

Учение о прибавочной стоимости исходит из того, что капиталистический мир есть мир товарного обмена. „Обращение товаров есть исходный пункт капитала. Он появляется лишь там, где производство товаров и развитое товарное обращение, или торговля достигли известной высоты развития“. Это звучит чрезвычайно сухо и поучительно; и вновь кажется, будто подобные тезисы не могли иметь никакого непосредственного значения для рабочего. Но именно здесь особенно выступает та черта Маркса мышления, с которой мы уже познакомились в предыдущем изложении, и согласно которой за вещественной внешностью социальных явлений повсюду раскрываются человеческие отношения, лежащие в основе их и большей частью прикрытые ими. Это уже имело место при изложении материалистического понимания истории, где материальные отношения оказались, в конце концов, человеческими отношениями, и это особенно имеет место и здесь, при раскрытии экономических понятий. Отвлеченное понятие мира товарного обмена тотчас же

приобретает жуткую живость, когда мы узнаем, что оно означает следующее: человек живет в этом мире не с помощью своего труда, но лишь с помощью продажи товаров. Кто не имеет товаров для продажи и не содержится попечением какого-либо продавца товаров, для того нет в этом мире места за столом жизни, для того нет здесь жизненного пристанища, тот должен либо умереть от голода, либо стать „преступником“.

Что же должен делать неимущий в таком мире, раз он не имеет ничего для продажи? „Э, приятель“, — говорит предприниматель пролетарию: „зачем отчаиваться? ты, ведь, имеешь еще — себя самого!“ Возмущенный рабочий возражает: „В своем ли ты уме? Разве ты не знаешь, в какое время мы живем? Хвала Богу, времена рабства, когда можно было продавать людей, как кусок товара, — прошли. Теперь мы противостоим друг другу, как свободные и равные граждане, и я не думаю о том, чтобы отказаться от этого завоевания!“ На это предприниматель отвечает: „Но храни Боже, чтобы я наводил тебя на такую позорную мысль, — как только мог ты так не понять меня? Я — современный человек и так же, как и ты, горжусь тем, что мы преодолели некультурность рабства. Я, естественно, думал лишь, что ты же имеешь еще для продажи свою рабочую силу. Ее я оплачу тебе тотчас же и по спрavedливой цене, которой она стоит“. И вот, рабочий удовлетворяется этим и продает предпринимателю свою рабочую силу на один день. И что платит ему тот за нее? Допустим, что он ему, действительно, платит за нее ее полную стоимость. Тогда стоимость рабочей силы, ставшей, как мы видим, товаром, определяется точно так же, как стоимость любого другого товара, т.-е. по необходимому для восстановления его рабочему времени. Но восстановление рабочей силы зависит от необходимых для нового накопления ее и сохранения жизненных припасов. Следовательно, стоимость рабочей силы определяется по потребному для восстановления этих жизненных припасов общественно-необходимому рабочему времени. Пусть будет установлено, что потребные для содержания рабочего жизненные припасы могут быть восстановлены в шесть часов общественного труда, и что это соответствует денежной

стоимости в шесть франков. Тогда рабочий получит, в качестве продажной цены своей рабочей силы, сумму в 6 франков за каждый день. И это было бы совершенно „справедливой“ заработной платой, — его рабочая сила, ведь, большего не стоит.

Но, если бы рабочий, прослышавший про этот расчет, сложил, после шести часов труда, свои инструменты и сказал предпринимателю: „я отработал свою заработную плату. До свидания!“, — он здорово обжегся бы. „Ого!“ закричал бы предприниматель: „Мы так не уставливались! Я купил твою рабочую силу на один рабочий день. До сих пор ты работал, ведь, только на самого себя, а теперь — живо! — приступай к работе на меня. У меня рабочий день длится десять часов. И если это тебе не подходит, то я вообще не стану покупать твоей рабочей силы, и ты можешь тогда позаботиться не умереть с голода“. Что делать рабочему? Он вновь вешает свою шляпу и пиджак на гвоздь, становится за машину и создает теперь в течение четырех часов — сверх стоимости своей рабочей силы — новую стоимость, которая, однако, попадает уже не ему самому, но покупателю его рабочей силы, — предпринимателю.

Эта новая, дополнительная стоимость и есть прибавочная стоимость, дающая начало всякой прибыли и являющаяся главным источником богатства класса капиталистов. Она происходит от прибавочной работы, т.-е. от работы, продолженной сверх удовлетворения жизненных потребностей рабочего. И эта работа есть, очевидно, *неоплаченная работа*, на чем и основана эксплоатация рабочего. Тем не менее, капиталист присваивает себе эту прибавочную работу не противозаконно. Прибавочная стоимость — не воровство, не обман: она — необходимый результат того, что и человек стал продажным товаром, благодаря продаже своей рабочей силы, из коей покупатель ее может сделать то именно употребление, какое заложено в ее природе. И как, например, покупают кусок мяса, чтобы употребить его для себя, т.-е. с'есть, так покупают и человеческую силу, чтобы заставить ее работать для покупающего, т.-е. потребить ее. Эксплоатация рабочего проистекает, поэтому, совсем не из низости или невнимательности предпринимателей

как бы часто ни участвовали в ней и эти свойства. Но и самый благородный человек в роли капиталистического предпринимателя не мог бы действовать иначе. Допустим, что он счел бы честным отказаться от прибавочной стоимости; это означало бы, что он вынужден работать без прибыли; но этим он достиг бы лишь противоположного своему человеколюбию: он разорился бы, вынужден был бы закрыть свое предприятие, и его рабочие остались бы без хлеба. Таким образом, получение прибавочной стоимости является необходимым, неотъемлемым характерным свойством капиталистического хозяйствования.

И еще нечто другое раскрывает рабочему учение о прибавочной стоимости, раскрывает с определенностью жестокой жизненной судьбы. Это — факт, заключающий в себе всю культурную противоречивость капиталистического хозяйственного строя, то именно обстоятельство, что в нем производство имеет в виду не удовлетворение человеческих потребностей, а создание прибыли. „Прямой целью капиталистического производства“, говорит Маркс: „является производство не товаров, а прибавочной стоимости, или прибыли в ее развитой форме, производство не продукта, а прибавочного продукта“. Это означает, что получение прибыли является и условием и пределом капиталистического производства. Там, где нельзя ожидать прибыли, там общественные потребности останутся неудовлетворенными, как бы они ни были настоящими. И — в особенности — как бы сам человеческий труд ни был тяжел, опасен для здоровья и ужасен, он будет заменен машиной лишь в том случае, если это дозволит прибыль. Если Маркс говорит в одном месте, что „сами рабочие оказываются в этом понимании тем, что они и есть в капиталистическом производстве, — простыми средствами производства, а не самоцелью и не целью производства“, то рабочий лишь узнает в этом все убожество и безнадежность своего существования. И ему становится ясно, что эта судьба поконится не на случайно-неблагоприятном стечении обстоятельств, но на сущности общественного порядка, который, вместо того, чтобы сделать его (рабочего) господином производства, делает его простым орудием этого производства.

Если, таким образом, основные мысли экономического анализа Маркса должны представиться рабочему прямо-таки простым описанием его крайне горестного опыта, то не иначе происходит и с одной из самых глубокомысленных и самых сложных глав „капитала“—с знаменитым учением об экономическом фетишизме. Под этим Маркс понимает, как известно, своеобразное превращение и искашение, которое претерпевают в капиталистическом хозяйственном строе общественные отношения людей, совершенно исчезая за вещами, которые одни только кажутся живущими. Как для дикаря камень, о который он поранил себе ногу, является не мертвым минералом, но вместилищем коварного духа, как дикарь приписывает понесенный им ущерб не своей собственной невнимательности или чужой злобе, положившей камень на его пути, но самому камню, живущему в его представлении собственной загадочной и злой жизнью,—так и в капиталистическом обществе люди видят себя противопоставленными загадочной собственной жизни неодушевленных вещей: жизни капитала, побуждающего своих владельцев к неустанной деятельности на службе ему. Товары на рынке кажутся имеющими свою собственную волю, взаимно диктуя себе стоимости, по которым они обмениваются, так что владелец их (товаров) лишь на рынке узнает, произвел ли он вообще нечто продажное. Действительно живое в процессе производства—человеческая рабочая сила—становится вещью, товаром; напротив, предметные составные части процесса производства—сырье и машины—и его конечный результат—товары—получают видимость подлинных носителей экономической жизни. Таким способом, капитал, как говорит Маркс, становится „весьма таинственным существом, в котором все общественные производительные силы труда кажутся принадлежащими ему, а не труду, как таковому, и получают видимость сил, вырастающих из его собственных недр“. В особенности прибыль кажется продуктом самого капитала, его творческой силы, как, например, прибыль той формы капитала, в которой действительные общественные отношения оказываются наиболее успешно скрытыми,—капитала финансового (приносящего проценты). Если, наконец, рядом с капиталом выступает

еще, в качестве, видимо, столь же самостоятельного источника прибавочной стоимости, земельная собственность, в которой земельная рента кажется непосредственно связанной просто с элементом природы, а именно — с плодородием почвы, то экономический фетишизм — овеществление общественных отношений и оживление материальных составных частей процесса производства и обращения — оказывается завершенным: „околдованным, превращенным и поставленным вверх ногами миром, где господин Капитал и госпожа Земля шутят свои шутки, как социальные свойства и одновременно и непосредственно как простые вещи“

Разгадка этого социального фетишизма происходит у Маркса, когда за этими шутками вещей обнаруживаются живые люди, из действий и переживаний коих возникает вся эта мнимая жизнь экономических явлений. Тотчас же прибыль, проценты и земельная рента превращаются из загадочных продуктов товарного обмена, заемного капитала и земли в продукты эксплоатации человеческого труда. А страшная энергия капитала с его непрерывно растущей производительностью и тенденцией расширения (распространения) оказывается ненасытным стремлением класса владельцев капитала к власти и обогащению.

Но для рабочего это раскрытие сущности экономического фетишизма становится легко понятным, непосредственно, по его трудовой жизни. Он собственно никогда не принадлежал к фетишистам капиталистической экономики, как ни мало должен был давать себе отчет в ее природе. Ведь, что прибыль отнюдь не является собственным продуктом капитала, он постоянно имеет пред глазами, вынужденный видеть, как из всего произведенного им богатства лишь самая незначительная часть попадает ему самому. Беззаботный владелец денег мог удивляться, как это его деньги без труда приносят ему проценты в результате лишь внесения их в банк. Пролетарий должен был на собственном опыте, как клиент ростовщиков и ломбардов, слишком хорошо узнат, что деньги приумножаются не сами собою, но на его нужде и лишениях. И прославленная экспансия (распространение) капитала также была слишком хорошо знакома ему, в качестве безмерной жажды его

работодателей удлинить рабочее время, понизить заработную плату и за счет его жизненных потребностей удовлетворить потребности отдаленных, часто полуварварских, народов. Так рабочий — с остротой взгляда, сообщаемой лишь собственным интересом — заранее находил за всеми мнимо-самодвижущимися экономическими силами давление противостоящего ему владельца капитала и землевладельца, и, вследствие этого, экономические отношения всегда принимали для него, вместо их фетишистски-предметной формы, обратный, лично-человеческий, облик, в коем он ненавидел то, чему другие лишь удивлялись. И поэтому обнаружение за этим экономическим фетишизмом столкновения отдельных факторов процесса производства, великого экономического противоречия между собственниками средств производства и владельцами одной только рабочей силы, это открытие должно было представиться рабочему прямотаки повторением — лишь выраженным теоретическим языком — его собственных элементарных чувств и взглядов.

Равным образом, оживают для рабочего, как элементы его собственного жизненного опыта, и такие отвлеченные и, казалось бы, слишком теоретичные понятия Марковой экономической критики, как понятие абстрактного человеческого труда и основанное на нем различение потребительной и меновой стоимости. Пред ним тотчас же раскрывается содержание этого различия, то, что оно означает лишь проявляющееся для пролетариата в его наемном труде овеществление живой работы, безчеловечность капиталистического порядка, — употребляя это слово не как этическую оценку, а в том смысле, что все больший круг людей лишается возможности человеческой жизни. Ведь так как в капиталистическом мире производят лишь для того, чтобы продать, обменять, так как, следовательно, производятся не стоимости для людей, а лишь меновые стоимости, то пред такой чисто-количественной оценкой результата труда полностью исчезает человек, исполняющий его, исчезают его радости и печали. Не случайность, что на родине капитализма рабочие обозначаются просто, как „руки“: для меновой стоимости важно лишь то, сколько „рук“ и как долго заняты созданием ее. Человек, которому

принадлежат эти руки, с его желаниями и надеждами и с его стремлением к счастью, свободе, искусству и науке является для понятия меновой стоимости обстоятельством, вообще, неидущим к делу и лишь мешающим. И, таким образом, эта меновая стоимость не есть только в ученых книгах появляющееся понятие, но действительность, жестоко бьющая и гнетущая на тысячах фабрик, в бесчисленных мастерских. Но из-за этого труд в капиталистическом обществе, так мало служащий для предпринимателя сознательно-применяемым средством общественного удовлетворения потребностей, становится и для рабочего не таким процессом, в который он мог бы вложить собственный интерес. „Он даже не включает труд“, говорит Маркс в „Наемном труде и капитале“, в свою жизнь, он является скорее же ртвой его жизни... Продукт его деятельности не является, поэтому, также и целью его деятельности. То, что он производит для себя,— не шелк, который он ткет, не золото, которое он извлекает из рудника, не дворец, который он строит. То, что он производит для себя,— есть заработка плата, и шелк, золото, дворец претворяются для него в определенное количество жизненных припасов, может быть, в бумажную куртку, в медные монеты и в квартиру в подвале. И рабочий, в течение двенадцати часов ткущий, прядущий, сверлящий, вертящий, строящий, копающий, бьющий камень, носящий и т. д., воспринимает ли он это, как проявление своей жизни? Напротив, жизнь начинается для него тогда, когда прекращается эта деятельность, начинается за столом, на трактирной скамье, в постели. Двенадцатичасовая же работа имеет для него смысл, не в качестве тканья, пряденья, сверленья и т. д., а в качестве заработка“... Как наглядно и захватывающе Марксов ход мысли передает здесь непосредственное жизненное чувство рабочего, доказывает то обстоятельство, что поэт вложил для пролетариата это учение об общественном раздвоении рабочего с его трудом, пока он является лишь меновой стоимостью, в пламенные стихи, которые читаются, как поэтическое повторение Маркса текста. В написанной Георгом Гервегом для Всеобщего Немецкого Рабочего Союза „Союзной песне“ говорится:

„Ты и пашешь, ты и сеешь,
„Ты и косишь, ты и жнешь,
„И прядеш ты, и куешь,—
„Из всего, что ты имеешь?
„День и ночь ты за станком,
„В шахтах роешься, как гном,
„Изобиля рог зерном
„Наполняешь и вином.
„Где, однако, твой обед?
„Где праздничный твой наряд?
„Где согретый твой очаг?
„Где же меткий твой заряд?
„Все, твоих рук дело, друг,
„Для тебя — пустой лишь звук!
„Только цепь, что ты сработал,
„Лишь ее ты заработал:
„Цепь, что тело обвила,
„Цепь, что крылья духа смяла,
„Детям что вокруг ног легла...
„Заработка тебе мало?

Все это должно уяснить рабочему враждебную его жизненным интересам тенденцию получения прибавочной стоимости, т.-е. капиталистического хозяйственного строя: чем ниже заработка плата, выплачиваемая предпринимателем, чем длиннее рабочий день,— тем больше прибавочная стоимость. Тенденция капитализма — занять весь день рабочего, поскольку сон и истощение неизбежно не укорачивают его, для производства прибавочной стоимости. И на деле происходит так, как Маркс однажды высказал в грозном обвинении современного хозяйственного строя в внутренней некультурности: „В капиталистическом обществе досуг одного класса создается ценою превращения всего жизненного времени масс в рабочее время“.

Что предпринять против этого? Быть может, помогает воздействие на предпринимателей путем обращения к их социальной совести и напоминания о внимательном отношении к нужде пролетариата? Мы уже видели, что моральные решения не были бы в состоянии изменить что-либо в характере капиталистической эксплоатации. И даже мыслимое на этом пути ограничение чрезмерной экономической эксплоатации оказалось на всем протяжении

развития капитализма наивным и беспочвенным оптимизмом. Где бы ни происходило подобное ограничение, его приходилось навязывать предпринимателям силою законов, сохранение коих стояло в прямой зависимости от силы пролетариата, от возможности для него принудить к их соблюдению. Таким образом, рабочий вновь видит себя пред выводом, уже обнаружившимся для него из двух других основных учений марксизма, выводом, что здесь взаимно сталкиваются в последнем счете два больших классовых противоречия, между коими невозможно ничто иное, кроме классовой борьбы. Лишь она одна не только может дать пролетариату защиту против тенденции капитала к безграничной эксплоатации, защиту еще в рамках капиталистического общества, но и она одна, в конце концов, устранив получение прибыли, т.-е. капиталистический способ производства, вполне и окончательно освободит пролетариат от этой современной формы рабства.

V. Диалектика и классовая борьба.

Наконец, великое учение об исторической диалектике, т.-е. о развитии общества через необходимые внутренние противоречия и противоположности! Многие усматривали в диалектике у Маркса и Энгельса лишь старое наследие их—позже умственно преодоленного ими—юношеского периода, когда они еще были ревностными учениками Гегелевской метафизики с ее, характерной для нее и составляющей ее блестящее место, диалектикой. И они думали, что самым лучшим было бы возможно скорее отбросить это учение о диалектике общественного развития. Так думали и некоторые сторонники марксизма, например,—Эдуард Бернштейн и все его последователи. Но Маркс и Энгельс судили об этом совершенно иначе. Маркс до конца держался того мнения, что диалектика является уцелевшей и сохранившей свое значение частью Гегелевской философии, и Энгельс также не раз выражал эту мысль. Он даже всегда подчеркивал, как историческую заслугу Маркса и свою в отношении Гегеля, то, что они придали его метафизически выраженной диалектике научную форму и, таким образом, „спасли“ зерно истины в Гегелевской философии.

Что же означает эта диалектика у Маркса и Энгельса? Она означает прежде всего определенный характер бытия, а именно такое бытие, при котором все сущее, даже если оно представляется неизменным, находится в постоянном, безостановочном, но все же закономерном процессе превращения, так что вещи никогда собственно не существуют (в старом неизменном виде), но всегда становятся (иными, новыми). И она означает далее форму мышления, а именно такое мышление, которое не подходит к действительности с застывшими, раз навсегда установленными понятиями, но именно склонно подражать—в смысле подвижности понятий—этому непрерывному движению и изменению действительности.

В действительности мы как раз нигде не находим покоя и неподвижности, и все находится в ней в непрестанном движении и непрерывной смене, отчего уже исстари принято говорить о текучести вещей. Как в реке, в каждый данный момент, находится, правда, на лице вся река, но одновременно и не является постоянной ни в одной своей части, так как волна идет за волной, и каждая отдельная точка, на которой останавливается наш глаз, тотчас же уносится течением воды,—так и бытие мира с его вещами и людьми вечно уносится в потоке непрерывно совершающегося. И даже то, что кажется нам самым прочным, самым постоянным,—земля, на которой мы находимся и строим, и она обнаруживает—совершенно независимо от внезапных вулканических потрясений—на протяжении сколько-нибудь значительных промежутков времени свое постоянное движение: то здесь мелеет от песчаных наносов море, то там осыпается берег, то здесь разверзаются долины, то там медленно, но верно сносятся горы. Рассматриваемые с этой точки зрения, все вещи и события теряют свою застывшую форму, свой, кажущийся вечным и твердо-очерченным, облик и становятся словно текучими, переходят одна в другую и дают нам познать, как вода становится землей, земля—водой, мертвое—живым и живое—вновь мертвым. На место мысли о непосредственном, словно с самого начала остававшемся одинаковым, существовани и и вещей становится, таким образом, представление о том, чем они стали; разобщенность вещей, их кажущаяся самостоятельность и раздельность исчезают и уступают место их связности в процессе их становления. Диалектическое мышление есть, следовательно, такое мышление, которое, как однажды разъяснил это Энгельс, изображает вещи в „их связи, их сцеплении, их движении, их возникновении и гибели“. Или как выразил это Маркс: „Мы живем среди постоянного движения наростания производительных сил, разрушения социальных отношений, образования идей; неподвижна—лишь абстракция движения, бессмертна—лишь смерть!“

Но это непрекращающееся изменение, эти постоянные творчество и разрушение не являются в сфере человеческой жизни беспорядочным и бесцельным движением, но обнару-

живают внутреннюю закономерность. Едва в жизни человека или общества выступает противоречие, т.-е. такое состояние, которое настолько противоречит потребностям, целям, идеям людей, что угрожает их жизни или развитию, как те, кто страдает от этого противоречия, не успокаиваются, пока не устранит его, хотя бы при этом была опасность погибнуть в этой борьбе, опасность, довольно часто сбывающаяся. Но, если противоречие устраниется, жизнь на некоторое время становится более сносной, лучшей, более обеспеченной, пока новое противоречие не побудит к новой борьбе и к новому совершенствованию жизни. Так совершается историческое движение через преодоление выступающих в нем общественных противоречий. Они воплощаются исторически в реальных противоположностях человеческих групп, одна из коих, не страдая от противоречия и даже извлекая из него пользу, защищает существующее состояние, тогда как другая, страдающая от него, борется с ним. Внутреннее противоречие общественных жизненных условий исторически выступает, таким образом, как внешнее разделение общества на противоположные лагери, как классовая противоположность, и внутреннее столкновение развития становится внешне выраженной классовой борьбой.

Так облекается в диалектическое одеяние общественная жизнь. Она не знает застывших, вечных форм. Неверно, будто современный жизненный порядок с его различиями богатых и бедных, господ и слуг, предпринимателей и рабочих—необходим, всегда существовал и будет, поэтому, так же всегда существовать. Бывали общественные состояния, когда не было этих различий, как в древних крестьянских общинах, почти повсюду стоящих в начале поддающегося еще историческому исследованию культурного развития. Даже отношения эксплоатации принимали самую разнообразную форму в рабстве, крепостничестве, колонате, барщинных отношениях, цеховом порядке и наемном труде. А рост современных производительных сил уже положил начало экономической возможности общественного порядка, в котором вновь могут исчезнуть все формы экономической эксплоатации, а с ними и старые различия богатых и бедных, господ и слуг. Но, конечно, для этого необходима

победа того класса, который жизненно заинтересован в этом изменении общества,—победа пролетариата.

Прогресс общества был до сих пор не делом мира, разума и братства, и все, что мы имеем прогрессивного, более справедливого и более разумного в общественных учреждениях, было до сих пор отвоевываемо у привилегированных и правящих классов лишь в борьбе и революции—в классовой борьбе.

Это учение оialectическом движении исторического развития опять-таки представляется рабочему рассказом его собственной жизненной судьбы, более того,—искупительным учением, показывающим ему средства, с помощью коих он может справиться с острыми противоречиями своей жизни. Что общественное развитие совершается лишь через внутренние противоречия, едва ли нужно ему доказывать, так как он сам переживает эту истину на всей своей трудовой жизни, постоянно полной ими. Создавать потребительные блага, которых он не смеет и не может потребить, создавать богатство, оставляющее его бедным и даже делающее его еще беднее, производить культурные ценности, делающие его собственные культурные лишения лишь еще более гнетущими,—не является ли это его „делом жизни“ изо дня в день? Но что эти противоречия одновременно являются и необходимыми средствами развития, выводящего пролетариат из всех противоречий, и что он, поэтому, является носителем этого освободительного, ведущего ввысь, развития; что, следовательно, его полная противоречий жизнь становится одновременно исходным пунктом завоевания новой более совершенной жизненной формы—это должно сделаться для него, благодаря кажущемуся столь чуждым миру учению о dialectике совершающегося, прямым выражением его собственных освободительных стремлений, так чтобы он не только dialectически мыслил, но и сознательно переживал эту dialectику. Так он становится сознательным носителем и поборником общественного противоречия, он противоречит теперь существующему обществу уже не в слепом сопротивлении или яростном отчаянии, но ясно видя его внутреннюю закономерность и кроющееся в ней возможное превращение.

И здесь в совершенно новом свете предстает и классовая борьба. И это одновременно является пунктом, еще более связывающим диалектическое мышление с самым подлинным жизненным чувством рабочего.

Что же поистине является собой эта классовая борьба? Буржуазному противнику марксизма она представляется просто яростью голой силы, необузданым проведением исключительно эгоистических интересов. При этом он думает лишь о стремлениях пролетариата и охотно забывает, что и сама буржуазия могла провести свои собственные интересы лишь в кровавой борьбе с феодализмом и абсолютизмом, и что она все еще продолжает охранять их, применяя для этого свою экономическую и политическую мощь, бич голода, штыки и тюрьмы. Буржуазный противник Маркса видит в учении о классовой борьбе лишь учение насилия, оправдания эгоизма и прославления более сильного, и не перестает называть это учение о классовой борьбе натравливанием рабочих, которые без этой порчи их оставались бы довольными людьми, терпеливо и с христианским смиренением несущими свою долю.

Предшествующее изложение достаточно убедительно показало, как смешно думать, что классовая противоположность внесена лишь социалистическими подстрекателями и бунтовщиками в массу, которая без того оставалась бы довольной. Мы видели, как каждое из основных учений, коими Маркс впервые обосновывал действительное социологическое познание сущности капиталистического хозяйственного строя, как каждое из них вело к классовой противоположности и к классовой борьбе, как к необходимому результату внутренних свойств этого хозяйственного строя. Но что такое эта классовая борьба? Действительно ли она — ничто иное, как пустое и безудержное неистовство голой силы, как яростно-слепое проведение эгоистических интересов и безжалостное предъявление права более сильного? Такой представляется классовая борьба в понимании наших противников, которые не устают обвинять марксистское учение о классовой борьбе не только в ложности, но и в нравственной извращенности, и предъявлять требование, чтобы, вместо этого порочного соблазна к раздвоению и спору,

держались лучше идеи классового примирения. На это приходится лишь сказать, что рабочему лицу представляется странным, почему именно от него ожидают почина в этом „примирении“.

В действительности, однако, классовая борьба, диалектически рассматриваемая, представляет совершенно иную картину. Классовая борьба, как показывает самое название, есть борьба классов, т.-е. людей, внутренне связанных и об'единенных общностью интересов. И всюду, где борются люди, они борются за что-то, пред их взорами стоят определенные цели их борьбы. Так же и здесь: все, что угнетенный класс терпит в виде угнетения, эксплоатации, дурного обращения, все это он хочет, борясь, устраниить. Все это должно представляться ему несправедливым и неразумным, и, напротив, устранение этого зла должно казаться ему справедливым, хорошим и разумным. Таким образом, всякая борьба угнетенного класса не является простой вспышкой грубой силы, но — с момента, когда он сознательно ведет ее во имя своего освобождения, и когда, следовательно, она стала классово-сознательной,— она становится одновременно борьбой за справедливость, за победу морали и разума. Поэтому-то в каждой классовой борьбе рвущийся ввысь класс по необходимости является представителем идеальных требований свободы, равенства и братства, становится носителем нравственного и умственного прогресса, что является лишь выражением его освободительных интересов. И более того: каждая победа угнетенного класса необходимо становится одновременно и победой справедливости, морали и разума. Ибо с каждой победой обездоленного класса исчезает его общественное обездоление, исчезает, следовательно, часть общественной несправедливости, часть неморального, часть неразумного в жизни общества. Таким путем в победоносной классовой борьбе все более и более расширяется сфера общественной солидарности, все больше становится общественный круг людей, среди которых не могут более проявиться никакие хозяйствственные, а потому и никакие иные опасные для существования и личного развития противоположности. Итак, мы видим, что, в конце концов, с победой последнего

класса капиталистического общества, с победой пролетариата должен быть достигнут общественный строй с величайшим кругом общественной солидарности: по устраниении последних классов, по преодолении, следовательно, самой классовой противоположности, этот круг совпадает, ведь, с человеческим обществом в целом.

Так, диалектика классовой борьбы становится понятна рабочему непосредственно по переживанию им его собственных стремлений и надежд, и он ни на мгновение не может усомниться в той истине классовой борьбы, что она является диалектическим средством общественного прогресса. Чрез тьму к свету — вот глубокий и роковой смысл классовой борьбы: через применение силы, через кровь и страдания — ко все большему общественному миру, к все большей гармонизации общества. Путь общественного развития — путь непрерывной насилиственной борьбы классов, но, тем не менее, он — путь ввысь и останется путем силы лишь до тех пор, пока будет идти через классовые противоречия. И диалектика этого движения заключается также в том, что оно в конечном итоге должно привести к невозможности самой классовой борьбы и к превращению общественного развития в сознательное планомерное творчество солидарного человеческого общества. И учение о диалектическом развитии приводят к тому же, к чему, как мы видели, приводят и другие основные учения марксизма — к необходимости преобразования капиталистического общества в бесклассовое социалистическое общество, к неизбежности освобождения пролетариата.

VI. Социализм.

Так учение Карла Маркса освещает и согревает всю жизнь пролетариата, указывая ему путь его освобождения, путь к социализму. И этот социализм представляется теперь в новом победном свете. Идея нового общественного строя, в котором впервые будет царить истинно-человеческая общественность, благодаря невозможности в нем эксплуатации, нужды и угнетения, такая идея впервые перестает теперь быть простой грезой и целью лишь человеколюбивого настроения, осуществления коего надо было ожидать от улучшения — о, какого медленного! — и исправления людей. Напротив, эта цель с силой необходимости вырастает из самого капиталистического хозяйственного строя, приводящего в своем развитии ко все более невыносимым общественным противоречиям: к все большей концентрации капитала и все большему обобществлению процесса производства, а вместе с тем к постоянно растущей силе класса капиталистов, с одной стороны, и, одновременно, к все более гнетущей нужде и зависимости пролетариата и широких слоев среднего сословия, с другой. В силу этого, в душах жертв этого общественного строя миллион раз рождается заинтересованность в преодолении его, заинтересованность, которая — в соответствии с интернациональностью капитализма и его эксплуатации — равным образом перебрасывается через границы стран и народов и обединяет в одном и том же стремлении все их обездоленные классы. Социализм перестает быть только предметом страстного желания, утопией, которую не приходится принимать всерьез. Он все более и более становится неизбежной экономической и политической волей многочисленнейших слоев буржуазного общества — пролетариата, служащих и обнищавшего среднего сословия: он становится единственным действительным средством верного их освобождения и — через устранение классового разделения — освобождения всех вообще.

Эта озаряющая и освобождающая сила учения Карла Маркса подтверждается прежде всего тем, что она не тухнет и под порывами исторических бурь. Правда, она может быть затмлена мутью туманных испарений, исходящих от ложных представлений и некритических чувств, когда таковые, случается, силою мощных событий, возбуждающих массы и сбивающих их с толку, приобретают власть над мыслью и действиями рабочих. Это случилось особенно во время мировой войны, когда слишком много социалистов, все еще веривших, что они—марксисты, вступили на путь соучастия в военной политике своего господствующего класса и—исключительно из-за „национального“ настроения—вынуждены были покинуть путь пролетариата, каким показал его Маркс—путь революционной классовой борьбы. Но именно война и последовавший за ним, так называемый, мир доказали справедливость теории Карла Маркса. Ибо единственно она в состоянии не только осветить нам прошлое, но и, особенно, разъяснить ужасный жизненный уклад настоящего, единствено она в состоянии объяснить, как возникла эта война, как она стала неизбежной, и почему становится невозможным подлинный мир, а то, что так называется, остается лишь замаскированным военным состоянием мировых держав. Разрешение загадки, даваемое нам полученным от Маркса познанием, таково, что здесь велась война не чисто-политического характера прежних времен, а война, лишь послужившая введением в последнюю фазу самого капиталистического развития. В этой фазе конкуренция, выросшая из стремления овладеть внутренним рынком в империализм, т.-е. в борьбу за овладение миром, не может более быть доведенной до конца одними только хозяйственными средствами, но нуждается в политическом решении вооруженною рукою. Война ознаменовала, таким образом, лишь иной, более острый способ эксплоатации пролетариата на службе распространения капитала. Как капитализм прежде использовал для своих целей миллионы пролетариев, при чем они должны были медленно и большую частью незаметно отдавать ему свою жизнь у машин, в серных копях и рудниках, между жерновов разнообразного труда, так и война изменила лишь внешний облик и темп этой их судьбы: миллионами

обрекались пролетариата быструю смерть на полях сражений, называвшихся „полями чести“, а в действительности бывших полями, на которых велась борьба за обеспечение и расширение национального извлечения прибылей посредством низвержения и хозяйственного уничтожения национального конкурента, а также за утверждение собственного хозяйственного превосходства. И так как эта борьба не может кончиться, пока одна из дерущихся за хозяйственное мировое господство капиталистических держав не добьется единовластия, и так как, далее, эта борьба за овладение мировым рынком одновременно потрясает и даже разрушает этот рынок и, в связи с этим, лишает и самих „победителей“ плодов их победы, то и подлинный мир не может более быть заключен, а тот мир, что имеется, несет на себе все черты длительного нового военного состояния. Это обстоятельство является лишь политическим выражением того, что капитализм вступил в стадию своего уничтожения, в ту последнюю фазу своего развития, когда он уже не в состоянии более разрешить своими средствами выступающие в нем внутренние и внешние противоречия, не в состоянии разрешить их ни средствами военной силы, ни средствами мирной организации. И как только пролетариат повсюду выбьется из-под власти замешательства, в котором он не раз поддерживал и еще продолжает поддерживать империалистическую военную и мирную политику, как только он выбьется к ясности и надежности целей Маркса учения, он возьмет на себя свое историческое дело международной борьбы с капитализмом, и тогда пробьет час старого общества. Война и империалистический мир не опровергают марксизма, как то вновь и вновь, торжествуя, заявляют наши противники, а означают только поворот на пути необходимого развития капитализма к социализму и притом такой поворот, который лишь в свете марксизма представляется необходимым.

И именно один только марксизм в состоянии вновь вывести через этот поворот на прямой путь развития. Ибо и здесь, применительно к проблеме войны и мира, он возвещает то же многозначительное познание, к которому, как мы видели, он приходил во всех своих основных учениях, и которое ныне по необходимости переживается

человечеством на опыте с такими ужасными страданиями и горестями, что, пожалуй, можно надеяться, оно поумнеет на них. Это—познание того, что, если должно стать иначе и лучше, то необходимо изменить те именно обстоятельства и отношения, которые не давали до сих пор стать иначе и лучше,—обстоятельства и отношения, составляющие буржуазно-капиталистический мир. Маркс написал великое слово: „Философы лишь разно истолковывали мир, а надо его изменить“ Это означает, что необходимо воплотить в дело свои мысли о сущности мира и общества. Но это—возможно лишь тогда, когда эти мысли таковы, что могут быть осуществлены закономерностью самого общественного развития; иначе, ведь, они останутся просто желаниями и утопиями. Такие мысли продумал и оставил нам Карл Маркс, они составляют бессмертное дело его жизни. Преодоление буржуазного общества и преобразование его в новый социалистически-коммунистический строй—вот великая задача, выпавшая, по учению Маркса, на долю пролетариата, не как особенная моральная претензия, но как необходимость его собственной жизни и развития. Конечно, эта задача не означает превращения капитализма в социализм одним ударом, это превращение—дело исторического процесса развития, но последний не движется автоматически к цели социализма, а должен быть все более и более заполняем этой сознательно выдвигаемой целью. Не только внешние обстоятельства должны созреть для социализма, к чему ведет экономическое развитие капитализма, но для социализма необходима и умственная, моральная и политическая зрелость людей, о чем должен заботиться пролетариат, все более и более осваиваясь с духом марксизма и с вытекающими из него революционными взглядами и задачами. Как раз цитированное последним великое слово Маркса, направленное на воплощение в дело марксистских мыслей, показывает нам, что марксизм хочет быть не только познанием, но и, одновременно, руководимой им деятельностью. И пусть это слово будет предостережением, что дух марксизма требует не только усвоения проникающего его революционного мышления, но и усвоения

вместе с тем революционных чувств и активности. Несомненное воссоздание Интернационала произойдет скорее, когда пролетариат вновь обретет повсюду революционный характер, благодаря коему он чувствует себя внутренне совершенно чуждым буржуазному миру с его „патриотизмом“ имущих и „национализмом“ господствующих, верным патриотическому принципу, возвещенному „Коммунистическим Манифестом“ в словах: „у рабочих нет родины“ Как только пролетарии повсюду вновь не только признают, но и глубоко навсегда прочувствуют, что их нацией является международный пролетариат, а их родиной—социалистическое общество будущего,—Интернационал вновь будет налицо. Лишь дух Карла Маркса может вывести пролетариат на эту почву, на которой только его Интернационал и может быть более, чем красивым словом, и на которой он станет исторической силой непреодолимой двигательной мощности. Ибо учение Карла Маркса показывает пролетариату всех стран единый интерес преодоления капитализма, единое средство непримиримой классовой борьбы и единую цель,—бесклассовое общество, построенное на коллективном владении средствами производства. Уже многое десятилетий прошло со дня смерти Маркса, но все, что хочет быть в настоящем молодо и полно жизни, должно исполниться его духа, и будущее будет тем живее, тем надежнее освободит нас от цепей отжившего и умирающего общества, чем больше будет жить в нем дух страстной активности марксистского учения.